

Копипаста: Десять заповедей детективного романа — Lurkmore

Десять заповедей детективистики — сформировал английский писатель и переводчик Рональд Арбутнот Нокс под влиянием внушительной переписки с Агатой Кристи. Опубликованы в 1929 году. «Заповеди» соблюдаются подавляющим большинством авторов и поныне.

I. Преступником должен быть кто-то, упомянутый в начале романа, но им не должен оказаться человек, за ходом чьих мыслей читателю было позволено следить.

Таинственный незнакомец, который явился неизвестно откуда, например сошел, как это часто бывает, с борта корабля, и о существовании которого читатель никак бы не мог догадаться с самого начала, портит все дело. Вторую половину этой заповеди труднее сформулировать в точных выражениях, особенно в свете некоторых замечательных находок Агаты Кристи. Пожалуй, вернее будет сказать так: автор не должен допускать при изображении персонажа, который окажется преступником, даже намека на мистификацию читателя.

II. Как нечто само собой разумеющееся исключается действие сверхъестественных или потусторонних сил.

Разгадать детективную тайну при помощи подобных средств — это все равно что выиграть гребную гонку на реке с помощью спрятанного мотора. И в этой связи я позволю себе высказать мнение, что рассказам Честертона об отце Брауне присущ один общий недостаток. Автор почти всегда пытается направить читателя по ложному следу, внушая ему мысль, что преступление, должно быть, совершено каким-то магическим способом, но мы-то знаем, что он неизменно верен правилам честной игры и никогда не опустится до подобной разгадки. Поэтому, хотя нам редко удается угадать настоящего преступника, мы обычно лишены возможности пощекотать себе нервы, подозревая не того, кто совершил преступление.

III. Не допускается использование более чем одного потайного помещения или тайного хода.

Я бы добавил к этому, что автору вообще не следует вводить в повествование потайную дверь, если только действие не происходит в таком доме, в каком можно предположить существование подобных вещей. Когда мне случилось прибегнуть в одной книжке к тайному ходу, я позаботился о том, чтобы заранее сообщить читателю, что дом принадлежал католикам в эпоху гонений на них. Потайной ход в «Загадке Редхауза» Милна вряд ли отвечает правилам честной игры: если бы в доме современной постройки был сделан потайной ход — невероятно дорогое, между прочим, удовольствие, — об этом наверняка знала бы вся округа.

IV. Недопустимо использовать доселе неизвестные яды, а также устройства, требующие длинного научного объяснения в конце книги.

Может быть, и существуют неизвестные яды, оказывающие совершенно неожиданное действие на человеческий организм, но пока-то они еще не обнаружены, и, пока они не будут открыты, нельзя использовать их в произведениях литературы — это не по правилам! Почти все вещи Остина Фримена, написанные как отчеты о делах, раскрытых доктором Торндайком, имеют небольшой изъян по части медицины: для того чтобы оценить, до чего хитроумной была разгаданная загадка, нам приходится выслушать под занавес длинную научную лекцию.

V. В произведении не должен фигурировать китаец.

Чем вызван этот запрет, я не знаю; наверное, причину надо искать в привычном для Запада представлении о жителе Небесной империи как о существе чересчур умном и недостаточно нравственном. Могу лишь поделиться собственным опытом: если вы, перелистывая книгу, натолкнетесь на упоминание о «глазах-щелочках китайца Лу», лучше сразу отложите ее в сторону — это плохая вещь. Единственное исключение, которое приходит мне на ум (возможно, есть и другие), — это «Четыре трагедии Мемуорта» лорда Эрнеста Гамильтона.

VI. Детективу никогда не должен помогать счастливый случай; он не должен также руководствоваться безотчетной, но верной интуицией.

Может быть, это слишком сильно сказано, детективу позволительно испытывать озарения, строить догадки по наитию, но, прежде чем начать действовать, он обязан проверить их в ходе подлинного расследования. И опять-таки вполне естественно, что у него будут моменты прозрения, когда ему внезапно откроется смысл предшествовавших наблюдений. Но недопустимо, например, чтобы он обнаружил пропавшее завещание в механизме высоких стоячих часов, поскольку-де необъяснимый инстинкт подсказал ему, что искать нужно именно там. Он должен заглянуть в часы потому, что именно там спрятал бы завещание он сам на месте преступника. И вообще, необходимо проследить за тем, чтобы не только общий ход рассуждений детектива, но и каждое частное умозаключение были добросовестно выверены, когда дело дойдет до объяснения в конце.

VII. Детектив не должен сам оказаться преступником.

Это правило применимо только в том случае, если автор лично засвидетельствует, что его детектив — действительно детектив; преступник может на законном основании выдать себя за детектива, как это случилось в «Тайне дымовых труб», и ввести в заблуждение других персонажей, подсунув им ложную информацию.

VIII. *Натолкнувшись на тот или иной ключ к разгадке, детектив обязан немедленно представить его для изучения читателю.*

Любой писатель способен набросить на повествование покров таинственности, поведав нам, что в этот самый миг великий Пиклок Холс вдруг нагнулся и поднял с земли предмет, который не пожелал показать сопровождавшему его другу. Он лишь прошептал: «Ага!» — и лицо у него стало серьезным. Все это — неправомерный способ разгадывания детективной тайны. Мастерство писателя-детективиста состоит в том, чтобы суметь выставить свои ключи к разгадке напоказ и с вызовом сунуть их нам прямо под нос. «Вот, смотрите! — говорит он. — Что, по-вашему, из этого следует?» А мы только глазами хлопаем.

IX. *Глуповатый друг детектива, Уотсон в том или ином облике, не должен скрывать ни одного из соображений, приходящих ему в голову; по своим умственным способностям он должен немного уступать — но только совсем чуть-чуть — среднему читателю.*

Это правило адресовано тем, кто хочет совершенствоваться; вообще-то, в детективном романе вполне можно обойтись без Уотсона. Но если уж он там есть, то существует он для того, чтобы дать читателю возможность помериться интеллектуальными силами со спарринг-партнером. «Может быть, я рассуждал и не очень умно, — говорит он себе, закрывая книгу, — но по крайней мере я не был таким слабоумным тупицей, как бедный старина Уотсон».

X. *Неразличимые братья-близнецы и вообще двойники не могут появляться в романе, если читатель должным образом не подготовлен к этому.*

Это слишком простой прием, и основан он на слишком маловероятном предположении. Добавлю в заключение, что никакому преступнику не следует приписывать исключительные способности по части изменения своего внешнего вида, если только автор честно не предупредит нас, что этот человек, будь то мужчина или женщина, привык гримироваться для сцены. Как восхитительно, например, упомянуто об этом в «Последнем деле Трента»!

См. also

- [Копипаста: Двадцать правил для писания детективных романов](#)
- [Umineko no naku koro ni](#)